

Кухня в квартире Лэ Яня граничила с ванной комнатой соседа напротив.

Прежде каждый вечер, где-то между десятью и одиннадцатью часами, он отчетливо слышал, как за стеной шумит вода.

Лэ Янь разложил овощи из корзины по полочкам холодильника, затем взял стакан с молоком и, так и не сделав ни глотка, прижался ухом к стене, ловя малейшие шорохи.

Он догадывался, что И Ян сначала примет душ, а уже потом уедет. И точно — вскоре раздался шум льющейся воды.

— Голову моет, — прошептал Лэ Янь.

Сквозь стену доносился глухой шлепающий звук падающей на кафель мыльной пены и еле различимый шорох пальцев, взбивающих шампунь.

Какая бы ни была звукоизоляция, от чутких кроличьих ушей ничего не скроешь!

Чтобы расслышать получше, он приник к стене еще плотнее.

Со стороны подобное поведение выглядело бы странно, если не сказать предосудительно, но ведь он находился у себя дома, и никто из людей его не видел.

Успокоив себя этой мыслью, Лэ Янь довольно прищурился и продолжил анализ:

— Так, напор ослаб. Наверное, намыливается гелем. Значит, скоро закончит... Как-то быстро.

Он сосредоточился изо всех сил, как вдруг И Ян по ту сторону стены громко, с эхом откашлялся.

Лэ Янь испугался не на шутку. От неожиданности у него перехватило дыхание, а из отросших волос мгновенно вымахнули два длинных белоснежных уха. Они забавно затрепетали, покрытые вставшим дыбом пушком.

— Ой!

Он заметался по кухне, паникуя. Поставив стакан на стол, он обеими руками прижал уши к голове, отчаянно зашептав:

— Назад, — заклинал он себя. — Ну же, спрячьтесь...

Но те упрямо не желали исчезать. Стоило разжать пальцы, как пушистые длинные уши тут же пружинили обратно вверх.

Делать было нечего. Потирая мягкую шерстку, Лэ Янь принялся ласково себя уговаривать.

«Лэ Янь, не бойся. Ты у себя дома, здесь тебе ничего не грозит».

Картина выходила комичной, но новоиспеченный человек пока не умел полностью справляться со своими природными инстинктами, пребывая в некотором раздвоении.

В конце концов, это уши пугались всякой ерунды, а сам он тут ни при чем! Они жили своей жизнью и вылезали наружу без спроса. Хвостик в этом плане вел себя куда приличнее — ни разу еще не выдал хозяина по собственной воле.

Минуты через три ему все же удалось совладать с кроличьей сущностью и спрятать уши. Но слух все еще оставался слишком чутким. На всякий случай Лэ Янь отыскал черную панаму, натянул ее поглубже и вернулся на свой наблюдательный пост.

Капитан И возвращался в управление. Лэ Яню до смерти нужно было выяснить время начала поисковой операции. Если они выдвигаются завтра утром, значит, ему самому придется подниматься на Гору Серебряного Копья уже этой ночью...

Шея уже затекла, когда за стеной наконец смолкла вода. Схватив яблоко и банан, он поспешил к прихожей и приник к глазку, карауля соседа.

Минут через десять замок на противоположной двери щелкнул.

Офицер И, с еще влажными после душа волосами, вышел в коридор. На нем был легкий светло-голубой спортивный костюм, а в руке он держал увесистую дорожную сумку. Лэ Янь тут же приоткрыл свою дверь, скользнул на лестничную клетку и прислонился к косяку с самым непринужденным видом, будто они столкнулись случайно.

И Ян искренне удивился:

— Уходишь куда-то?

Собираясь соврать, Лэ Янь мгновенно залился краской, но отступить было поздно.

— Да вот... поужинал, решил выйти... прогуляться.

— На улице дождь стеной. Для прогулок тебе бы хоть зонт взять.

— Тогда я подожду, пока стихнет, — Лэ Янь протянул ему фрукты. — Офицер И, это вам. Спасибо, что подвезли меня сегодня.

И Ян вежливо покачал головой:

— Не стоит, мне все равно было по пути.

Он не кривил душой: не будь им по дороге, он бы действительно не стал тратить время.

Лэ Янь спрятал фрукты в карманы куртки. Он понимал, что сосед торопится, поэтому решил не ходить вокруг да около. Собравшись с духом, он прямо заглянул ему в глаза:

— Вы сегодня на гору поднимаетесь? Я заметил, что вы собрали вещи. Может, помочь донести сумку до машины?

«Голос ровный, лицо спокойное. Лэ Янь, отличная работа!»

На радостях он непроизвольно похлопал себя по груди, но, поймав недоуменный взгляд полицейского, тут же принялся смущенно почесывать свитер:

— Что-то... зачесалось.

— На гору выдвигаемся только завтра утром, сейчас просто общий сбор в отделе, — объяснил И Ян. — Помощь не нужна, тут не тяжело. А гулять в такую погоду не советую, дождь затяжной. Лучше сиди дома и запри окна — у нас в жилом комплексе за последние пару дней обокрали несколько квартир.

— Хорошо, — Лэ Янь проводил его до лифта. — И Ян, береги себя в дороге.

Тот на мгновение замер от неожиданного обращения по имени, но затем тепло улыбнулся и кивнул. Шагнув в кабину, он махнул рукой, призывая соседа возвращаться в тепло.

Как только кабина ушла вниз, Лэ Янь быстро вернулся в квартиру. Поддавшись порыву, он вытащил из шкафа большую дорожную сумку и начал лихорадочно забивать ее бутылками с водой и сухими пайками.

Однако, попытавшись поднять ношу, он понял, что его человеческому телу такой вес не под силу. Пришлось вытряхнуть припасы обратно и ограничиться легким рюкзаком. Напоследок он сохранил в телефон подробную карту Горы Серебряного Копья, чтобы не заблудиться.

Если выйти прямо сейчас, можно успеть подняться к месту его падения до рассвета. Если

повезет найти то письмо, то никакие поисковые отряды не смогут раскрыть его тайну.

Дикая, отрезанная от мира Гора Серебряного Копья куталась в сизый утренний туман. Затяжной ливень наконец утих, уступив место звонкому птичьему многоголосию.

Омытые дождем кустарники у вершины сияли сочной зеленью, а прибитая к земле пыль уходила глубоко в размокшую глину. Прямо посреди плато зиял огромный провал — след разрушительного взрыва, из которого все еще струились струйки едкого черного дыма.

Пострадали и росшие у края воронки деревца. На их листьях осели ядовитые капли химических реагентов. Вдоль тонких прожилок вздулись уродливые наросты величиной с палец, похожие на гнойные опухоли. Они колыхались на ветру, трескаясь и источая темную, дегтярного цвета слизь.

Небольшая гусеница, случайно коснувшись отравленного листа, мгновенно сжалась в комок и прямо на глазах обуглилась. Спустя мгновение пролетающая мимо пичуга склевала легкую добычу — и тут же пала замертво.

Птичье тельце рухнуло на землю и меньше чем за минуту превратилось в зловонную жижу, слившись с черными химическими потеками на почве.

Вокруг царило мертвое, гнетущее безмолвие.

Первые лучи рассветного солнца медленно пробивались сквозь густые ветви, скользя по влажным стволам и заглядывая в растерзанное нутро бездонного кратера.

Время от времени по крутому склону с сухим шуршанием осыпались мелкие камни, нарушая тишину глухим эхом.

Вдруг из-за края обрыва показалась измазанная в грязи тонкая рука. Пальцы судорожно вцепились в свисающий стебель дикого плюща.

Лэ Янь, одетый в промокшую насквозь белую футболку, отчаянно цеплялся за скользкую глину, силясь вскарабкаться наверх. Провозившись в темноте всю ночь, он лишь спустя час после рассвета сумел добраться до развалин погребенной под землей лаборатории.

По пути ему так и не попалось ничего похожего на письмо. Выглядел он жалко: промокший, с ног до головы покрытый засохшей грязью, словно его долго валяли в луже.

Изнуренный ночным дождем, бледный и хрупкий, он опустился на колени перед скопившейся

в ямке дождевой водой. Повернувшись спиной к провалу, Лэ Янь принялся сосредоточенно отмывать руки.

Он тер ладони медленно, круговыми движениями: сначала тыльную сторону, затем внутреннюю, тщательно прорабатывая каждый сустав и складку кожи. Труднее всего давалась въевшаяся под ногти глина.

Обкусанные короткие ногти не позволяли выковырять грязь подчистую.

Оглядевшись по сторонам, он подобрал сухую веточку, отломил тонкую щепку и принялся терпеливо очищать каждый палец.

Тем временем еще одна птица, соблазнившись отравленным червяком, судорожно захлопала крыльями и камнем рухнула в траву.

Ветви над головой зашумели. Лэ Янь слышал этот звук, но не стал отвлекаться — сначала нужно закончить с руками. Когда облака рассеялись, а солнце поднялось над кронами деревьев, он уже полностью отмыл и лицо, и ладони.

Поднявшись на ноги и аккуратно обойдя еще теплое тельце птицы, он сделал глубокий вдох. Воздух здесь был тяжелым, пропитанным гарью от сгоревшего пластика и сладковатым запахом гниения.

Воздух.

Доктор Шэнь всегда называл его основой жизни и главным щитом человечества. Став из кролика человеком, Лэ Янь все еще не до конца понимал смысл этих слов.

Он огляделся вокруг ясными темными глазами. Полмесяца назад, когда он впервые выбрался из этих руин, он чувствовал себя точно таким же глупым зверьком, не знающим мира.

Тогда его завораживало буквально все. Он мог полчаса стоять неподвижно, просто вдыхая и выдыхая, пытаясь уловить, как прохладный поток проникает в легкие и разливается по венам.

В конце концов он решил, что это ощущение больше всего похоже на полет в безбрежном океане свободы.

Обойдя воронку по кругу, он подумал, что, не будь здесь этих ядовитых выбросов, дышалось бы куда легче, чем в душном мегаполисе.

Ему хотелось прикоснуться к резным листьям кустарников — на них еще оставался едва уловимый, знакомый с детства запах, но серый налет копоти заставил его отдернуть руку.

«Нельзя снова пачкаться. Столько сил ушло, чтобы отмыться...»

Он лишь слегка наклонился, рассматривая уцелевшую зелень сквозь слой липкой пыли.

Вот мертвый муравей, чуть дальше — еще парочка. Рядом застыла перевернутая на спинку божья коровка, а на соседнем стебле повисла бабочка с обгоревшими крыльями... Никого не осталось в живых.

В этот момент Лэ Янь по-настоящему осознал, какое чудо совершил, сумев выбраться отсюда невредимым.

Взрыв разбросал химикаты на сотни метров вокруг. Земля и стволы деревьев были обожжены едкой кислотой, оставившей после себя уродливые желтые подпалины.

Все это было смертельно опасно для любого живого существа. Но Лэ Яню яд не вредил: ведь в его жилах текли те самые разноцветные растворы, что когда-то бурлили в лабораторных колбах.

Физически он стал человеком, но унаследовал от экспериментов невероятную живучесть.

Накануне, услышав от И Яна о трагедии на горе, Лэ Янь заглянул в новостные сводки. Официальные отчеты утверждали, будто секретный комплекс на полукилометровой глубине занимался разработками в области онкологии.

Ложь. Какая глупость. Там ставили опыты на кроликах.

Солнце поднялось к зениту. Испарения становились все удушливее, и Лэ Янь заспешил прочь, зная, что поисковые отряды уже могут быть на подходе.

Напоследок он обернулся, окидывая взглядом заваленный обломками провал. В хаосе искореженного металла невозможно было отыскать даже остатки подъемной платформы.

Все погребла под собой толща раскисшей земли. Лишь справа из глины сиротливо торчал обломок ржавой трубы — когда-то он служил поручнем лифта.

Лэ Янь долго смотрел на эту руину, впервые ощутив щемящую, чисто человеческую тоску.

Там, под толщей горной породы, навсегда остался единственный близкий ему человек — доктор Шэнь Цин.